

В середине ноября, когда основные работы в поле завершились, в деревне наступила долгожданная передышка.

Крестьяне, трудившиеся не покладая рук весь год, могли позволить себе лишь несколько дней покоя. Деревня Сипин располагалась удачно — в самом сердце империи Дали, где климат был мягким, а почва — благодарной. На местных наделах выращивали всё: от проса и пшеницы до риса. Хозяйки обычно оставляли пару борозд под бобы, арахис или редьку — ровно столько, чтобы хватило прокормить семью.

По законам Дали земля распределялась строго: мужчинам полагалось по десять му, а женщинам и гэ'эрам — по пять. Из десяти мужских му половина отводилась под заливные поля, а половина — под суходольные; женщинам же и гэ'эрам доставалась лишь сухая пашня. Налог был вполне терпимым: двадцать к одному, то есть одна мера зерна с двадцати, что составляло пять процентов от урожая.

В первые годы после основания династии, когда страна только оправлялась от бесконечных войн, налог и вовсе составлял сорок к одному — менее трех процентов. Император стремился дать народу восстановить силы. Но теперь, при втором правителе, времена изменились.

Ли Да владел десятью му заливных и десятью му суходольных земель. При разделе родительского имущества он забрал лишь пять му заливных полей, отказавшись от всего остального, а всё остальное нажил своим горбом. Дом, в котором они жили, он тоже построил сам.

Сельскохозяйственный календарь диктовал свой ритм: рис, арахис и бобы убирали в июле, просо — в октябре, а пшеницу, посеянную в том же октябре, предстояло жать лишь в следующем июне. Поэтому пик страды приходился на середину лета, а сейчас в поле делать было особо нечего.

Ли Чжоучжоу, полагая, что его муж как человек ученый мало смыслит в крестьянских делах, терпеливо наставлял его:

— Дома работы почти не осталось. Тебе бы лучше отдыхать, сянгун, не стоит мне помогать.

Кухня была прибрана, куры накормлены, яйца собраны, свиньи мирно ели в чистом загоне, навоз вычищен. Гу Чжао пытался быть полезным, но, честно говоря, в одиночку Чжоучжоу справлялся куда быстрее. И дело было вовсе не в том, что муж был плох.

Просто сейчас нужно было идти за водой. Дорога к реке с тяжелым коромыслом и ведрами была непростой, а сянгун казался таким хрупким, беленьким и красивым. Чжоучжоу невольно залюбовался им, и в голове промелькнула тревожная мысль.

«А если он споткнется? — юноша с тревогой посмотрел на лицо супруга. — Не дай бог, еще ударится...»

Гу Чжао, поймав этот жалостливый взгляд, едва не поперхнулся.

— Мне нужно немного размяться, это полезно для здоровья, — произнес он с самым несчастным видом, не гнушаясь прибегнуть к легкому кокетству. Он даже поднял два пальца, словно давая клятву. — Обещаю, я буду во всем тебя слушаться и не стану путаться под ногами.

Сердце Ли Чжоучжоу дрогнуло — муж ведь просто хотел помочь.

— Ну ладно.

— Тогда пустые ведра понесу я, хорошо, Чжоучжоу? — не унимался Гу Чжао.

— Хорошо, — согласился тот. Ведра всё равно были легкими.

В доме никого не осталось, так что Чжоучжоу запер калитку на замок. Несколько соседних деревень пользовались одной рекой, стекавшей с гор и разветвлявшейся на несколько рукавов. Тот, что протекал через Сипин, был довольно полноводным. Сотня деревенских семей брала питьевую воду в верховьях, а стирала — пониже по течению.

Дом Ли Да стоял на отшибе, довольно далеко от удобного спуска. Не успели молодожены отойти и на несколько шагов, как из своего двора выглянула тётушка Ван. Посыпались привычные вопросы: «За водой, что ль?», «Поели уже?». Чжоучжоу отвечал односложно и вежливо. Шум привлек внимание других соседей: из ворот стали выходить женщины с шитьем и недовязанными лаптями в руках — поглазеть на диковинку.

Молодые девушки и незамужние гэ'эры лишь украдкой бросали любопытные взгляды, а вот тетки и старики стеснения не знали. Кто-то подшучивал по-доброму, а кто-то так и норовил уколоть.

— Ой, Чжоучжоу, а муж-зять твой и впрямь краше любого нашего мужика будет!

— И не говори, погляди, какая статья — сразу видно, книжки читал.

— Не зря наш Ли Чжоучжоу столько ждал, справного мужа себе отхватил.

— Первый раз у нас в Сипине гэ'эр себе мужа в дом берет. Ли Да, поди, пришлось кошелек-то вытрясти досуха, чтоб такого грамотея тебе справить. Чжоучжоу, разорил ты отца!

— Глядишь, выучится этот книгочей, и станет наш Чжоучжоу госпожой при муже-сюцае. Тут за ценой стоять нечего, семья Ли только выиграла, — громко пропела тётушка Чжан, сощуривая глаза и явно намекая на нечто недоброе.

Чжоучжоу почувствовал, как внутри всё сжалось. Он привык к подобным пересудам с детства и давно научился отличать пустую болтовню от злобы. Обычно он не принимал это близко к сердцу, но сейчас юноша закусил губу. Ладно бы они смеялись над ним, но они же издевались над его мужем!

Ответить он не мог — слова застревали в горле. В детстве Ли Чжоучжоу однажды попытался огрызнуться, так над ним стали смеяться еще пуще: мол, шуток не понимает, старшим дерзит, а ведь они «просто играют».

— Благодарю за добрые пожелания, — внезапно раздался спокойный голос Гу Чжао.

Он говорил вежливо, с достоинством истинного книжника. Поставив ведра, он сложил руки в почтительном жесте, обращаясь к толпе женщин. На губах его играла мягкая улыбка:

— Коль скоро я вошел в семью Ли как муж-зять, я всегда буду почитать Чжоучжоу главой дома, а интересы семьи ставить превыше всего.

На мгновение повисла тишина. Соседки, привыкшие перебраниться из-за пустяков и кричать так, что уши закладывало, совершенно не знали, как вести себя с образованным человеком. Гу Чжао говорил безукоризненно, голос его был мягким, а улыбка — обезоруживающей. Те, кто пришел позубоскалить, вдруг почувствовали себя неловко.

— Ну, занимайтесь своими делами, а мы пойдем за водой, — муж подхватил ведра и увлек Чжоучжоу за собой.

— Да-да, ступайте, — закивали тетки, невольно понизив голос.

Едва пара скрылась из виду, разговоры вспыхнули с новой силой, но тональность их изменилась.

— Славный малый, этот муж Чжоучжоу. Сразу видно — ученый.

— Вежливый какой, «дядюшками» да «тётушками» нас величает. И на шутки не обиделся.

— К Чжоучжоу ласков, вон, даже за водой вместе пошли. Повезло парню.

— Какое там везение! — тётушка Чжан смачно сплюнула на землю. — Весь округ знает: этот Гу в восемь лет мать в могилу свел, а экзамены проваливал столько раз, что и не сосчитать. Тоже мне, «госпожа сющая»!

Она так и не могла забыть, что Ли Чжоучжоу отказал её племяннику — тощему, как макака, и жадному до денег проходимцу.

— Все окрестные деревни потешались над его... как это... Сюэтай сюаньпай!

Проштрафившийся грамотей. Эта история случилась прошлой весной. Прежний владелец тела отправился в управу на экзамены, надеясь получить звание сюэцай. Такие испытания проводились дважды в три года. Он пытался четыре раза на протяжении шести лет, но в последний раз не просто провалился — его имя вывесили на позорную доску порицания как пример бездарности. Рядом со списком счастливых-отличников стояла доска, где красовалось имя Гу Чжао с припиской экзаменатора: «Слог путан, мысли бессвязны».

Это стало позором для всех грамотеев уезда. А когда в соседней деревне Шили один из юношей всё же сдал экзамен, весть о позоре разлетелась по всей округе. Именно тогда мачеха и убедила отца прекратить траты на «бесперспективного» сына. Учеба стоила огромных денег, и семья Гу платила за него десять лет. Если бы была хоть тень надежды, они бы продолжали платить, но клеймо бездарности означало конец.

Собственно, не будь этого позора, Гу Чжао никогда не позволили бы уйти в примачи. Ученый в семье — это шанс возвысить весь род, но если он становится мужем-зятком, то все его будущие успехи будут принадлежать роду Ли. Семья Гу согласилась на это лишь потому, что окончательно в нем разочаровалась, к тому же у отца было двое младших братьев — настоящих продолжателей рода Гу.

Весь путь до реки Ли Чжоучжоу шел молча, сосредоточенно хмурясь. Он боялся, что слова тётушки Чжан ранили мужа, и мучительно подбирал слова утешения.

— Знаешь, когда Син-гэ'эр еще не женился, мы вместе учились у моей второй тетки вышивать, — начал он нерешительно. — У Син-гэ'эра всё получалось быстро и красиво, а я был неумехой. Бабушка даже звала меня бревном бесчувственным. Но я не бросил. Потихоньку, сам по себе, тренировался... и теперь получается вполне сносно.

Син-гэ'эр был сыном второго брата Ли, всего на год младше Чжоучжоу, и давно обрел свою семью.

Юноше редко приходилось кого-то утешать. Он обдумывал каждое слово и теперь с тревогой взглянул на мужа, боясь, что сказал глупость. И тут же наткнулся на ответный взгляд.

Глаза Гу Чжао подозрительно блестели.

— Сянгун, что с тобой? Я... я сказал что-то не то? — Чжоучжоу совсем растерялся.

— Я знаю, что ты хотел меня подбодрить, — прошептал Гу Чжао, глядя на него с такой нежностью, что, будь они сейчас не на людях и без ведер в руках, он бы непременно бросился супругу на шею. — Ты всё правильно сказал. Я просто тронут.

Вся неловкость мгновенно испарилась. Глядя на своего «маленького» мужа, Ли Чжоучжоу почувствовал такой прилив сил, что готов был горы свернуть.

— У тебя обязательно всё получится с учебой, — твердо пообещал он.

«Придется постараться, — подумал Гу Чжао. — Экзамены сдать придется».

Сам по себе он не был амбициозен. В своей прошлой жизни он имел небольшой капитал и мечтал лишь о тихой жизни. Но здесь всё было иначе. Сейчас Дали жила в покое, но он знал: через несколько лет на границы нападут варвары и пираты, налоги взлетят, начнется смута. В древнем мире крестьянин полностью зависел от капризов природы и милости правителей.

То, что он сказал соседкам, не было ложью. Раз уж он здесь и связан узами брака, он сделает Ли Чжоучжоу главой своего мира и защитит этот дом.

— Я видел твою вышивку, Чжоучжоу, — ласково продолжил муж. — Она прекрасна. Особенно та, которую ты сам с себя снимал...

У юноши перед глазами мгновенно всплыла их брачная ночь и то, как он сам, не дожидаясь помощи, стаскивал с себя расшитые одежды.

«Это он сейчас меня... поддразнивает?» — мелькнуло в голове.

Чжоучжоу украдкой глянул на супруга. Тот выглядел воплощением невинности.

— Я серьезно, — добавил Гу Чжао, хлопнув ресницами. — Свадебные наряды были чудесными. Жаль, я свое платье в тот вечер толком рассмотреть не успел, ты так быстро его с меня снял...

— Замолчи! — выдохнул Ли Чжоучжоу, чувствуя, как лицо заливают краской.

Да, он не только сам разделся, но и «помог» своему красавцу-мужу. Син-гэ'эр ведь учил: жена должна заботиться о муже и прислуживать ему. Он же всё правильно сделал! Но слышать об этом сейчас, при свете дня...

А сянгун смотрел так чисто и искренне — неужели он и вправду просто хвалит его работу?

— Я... я за водой, — он прибавил шагу, оставив мужа любоваться пунцовыми ушами.

Гу Чжао проводил его взглядом со смехом в глазах.

«Чжоучжоу просто прелесть».

У реки Ли Чжоучжоу старался не смотреть на мужа. Мысли путались: в голове всё крутились вышивка, брачное ложе и те самые одежды, а обида на тётушку Чжан как-то сама собой забылась. Он трижды сходил к реке, пока не наполнил огромный чан на кухне.

Гу Чжао честно носил пустые ведра, но даже от такой «нагрузки» покрылся испариной. Чжоучжоу же, казалось, вовсе не заметил усталости. Накрыв чан крышкой, он зашел в дом и вскоре вышел с огромным тазом белья.

— Сянгун, я пойду постираю. Не ходи со мной, там у реки сейчас одни гэ'эры да бабы.

На этот раз юноша был непреклонен. Гу Чжао и не спорил — он понимал, что будет только мешать.

— Хорошо. Я пока почитаю.

Когда Ли Чжоучжоу ушел, Гу Чжао, передохнув и выпив чашку холодного чая, принялся разбирать свой сундук. Самым ценным в его приданом были книги. Бумага в это время стоила баснословно дорого, и семья Гу, конечно, не отдала бы ему оригиналы.

В этом сундуке лежали копии, сделанные его собственной рукой за те полмесяца, что он ждал свадьбы. Гу Чжао тогда времени не терял: переписывал трактаты и заодно собирал информацию о мире. Кисти и тушь были самыми дешевыми, почерк оставлял желать лучшего, но выбирать не приходилось. Он разложил свитки и принялся делать заметки.

Память прежнего владельца была специфической: он хорошо помнил пирушки и гулянки, но содержание книг на его полках оставалось для него загадкой. Зато вопросы прошлогоднего провала отпечатались в сознании во всех деталях.

«Вот и отлично, — подумал Гу Чжао. — Считаю, разобрали ошибки в контрольной».

На излучине реки, где течение замедлялось, находилось любимое место деревенских прачек. Здесь было много плоских камней, над водой склонялись старые ивы, даря тень летом и закрывая от ветра зимой.

Ли Чжоучжоу пришел позже обычного. Син-гэ'эр, завидев его, помахал рукой:

— Чего так долго?

Тот промолчал, не признаваться же, что заигрался с мужем.

— Неужто твой ненаглядный сянгун провожал тебя до самой реки? — Син-гэ'эр лукаво прищурился. — Об этом уже вся деревня шепчется.

Среди своих Чжоучжоу смущался меньше. Он лишь кивнул и принялся за работу. Соседки, наострившие было уши, быстро потеряли интерес и вернулись к своим сплетням.

Син-гэ'эр пододвинулся поближе и зашептал:

— Слышал я, как эта Чжан тебя опять поносила. До сих пор простить не может, что ты её племянника спровадил. Видал я того племянника — вылитая макака, ростом ниже меня, да еще и чахоточный, а туда же — десять лянов серебра выкупа затребовали, тьфу!

Чжоучжоу продолжал молчать, мерно постукивая вальком по белью. Он всегда был таким — словно кувшин с запечатанным горлышком.

Син-гэ'эр вздохнул:

— Я же за тебя заступаюсь! Ладно, забудь. Слушай, а разве сегодня не третий день? Я думал, вы с мужем в Восточную деревню отправитесь...

Валек выпал из рук Ли Чжоучжоу прямо в таз.

— Куда отправимся?

— Как куда? Саньчао хуэймэнь! — уверенно заявил Син-гэ'эр. — На третий день после свадьбы молодожены должны навестить родителей «невесты». А раз ты его в дом взял, значит, тебе его и везти.

<http://bllate.org/book/15349/1412582>